

ТЕАТР КОРША

Заметки и впечатления

[...]

Писан: А.

От всего этого мелко плавающего творчества чрезвычайно отраден переход к драме г. Чехова "Иванов", возобновленной в нынешнем сезоне в новой переделке автора.

Мы не знакомы с первой редакцией драмы Чехова "Ивановъ", а потому не можем судить, насколько изменилась пьеса въ передѣлкѣ, но въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ несомнѣнно выдающееся явленіе въ современной драматической литературѣ. Авторъ ея въ послѣдніе годы ярко выдвинулся своими талантливими разсказами, полными большой наблюдательности и тонкаго знанія челоѣческой души. Драма Чехова, насколько намъ извѣстно, первое крупное его произведеніе, написанное для театра. Она изобилуетъ тѣми же достоинствами, которыя присущи автору въ его повѣстяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будучи написана челоѣкомъ, талантъ котораго направленъ преимущественно къ повѣствовательной формѣ, она, какъ намъ кажется, отсюда и беретъ начало всѣхъ своихъ недостатковъ.

Герой пьесы, Ивановъ, челоѣкъ большого ума и образованія, горячо отдававшійся въ юности служенію общественному благу, исполненный самыхъ возвышенныхъ воззрѣній на жизнь, но слабый и эгоистичный; года, принесшіе съ собой мелкія жизненныя невзгоды, указавшіе ошибочность многихъ молодыхъ его мечтаній, развили въ немъ одно изъ самыхъ большихъ свойствъ современнаго поколѣнія—стремленіе къ мелкому болѣзненному анализу всѣхъ своихъ чувствъ и дѣйствій, а также чувствъ и дѣйствій окружающихъ людей; эта недовѣрчивость ко всякому своему чувству лишила его сухую отъ природы душу всякой энергіи, заставила считать себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ челоѣкомъ и не замѣчать, какъ эгоистичный нравъ его губить и дѣлаетъ уже дѣйствительно несчастными близкихъ ему людей, между тѣмъ какъ онъ за жалостью къ самому себѣ не видитъ и не хочетъ знать, кто этому виною: онъ думаетъ только о себѣ и драпируется въ мантию современнаго Гамлета. Безсознательная способность губить кругомъ себя людей въ силу свойствъ своей слабой, эгоистичной природы и составляетъ основную мысль пьесы.

Въ юности, когда природная черствость сердца маскировалась горячимъ воодушевленіемъ молодого ума, онъ своимъ краснорѣчіемъ и благородными замыслами плѣнилъ двушку, дочь богатаго еврея, самъ въ нее влюбился, заставилъ ее бросить родныхъ, перемѣнить вѣру, и женился на ней. Пять лѣтъ они прожили счастливо, но въ эти-то годы и назрѣлъ въ немъ тотъ переломъ, который привелъ его къ полному разочарованію во всѣхъ прежнихъ идеалахъ. Передъ нимъ живымъ укоромъ осталась жена его, все еще

вѣращая въ искренность его молодыхъ, горячихъ плановъ, едва не молящаяся на него. Онъ сознаетъ, что изъ-за легкомысленнаго увлеченія, пора котораго прошла безслѣдно

вмѣстѣ съ молодостью, онъ лишилъ ее всей прежней ея жизни, оторвалъ отъ родныхъ, сдѣлалъ ненавистной отцу и матери, и взамѣнъ не далъ ей ничего: онъ знаетъ, что здоровье ея расшатано, докторъ говоритъ ему, что у нея чахотка, и сознание неисправимой вины передъ ней до того тяготитъ его, что даже это страшное извѣстіе не возбуждаетъ въ немъ простого чувства жалости. Какъ разъ къ времени этихъ событій подросла дочка его пріятеля и сосѣда, предсѣдателя земской управы, которую онъ зналъ еще ребенкомъ. Горячая душа дѣвушки ищетъ любви, привязанности къ человѣку, не похожему на окружающихъ ее праздныхъ, ничтожныхъ людей; она заслушивается горячихъ жалобъ нашего героя на судьбу, видитъ, насколько онъ выше всѣхъ, кого ей приходилось знать, начинаетъ считать его непонятымъ страдальцемъ и, наконецъ, влюбляется. Иванову льститъ, что милая, умная и красивая дѣвушка ставитъ его на недосыгаемый пьедесталъ, именно такого, какимъ онъ сталъ теперь, ноющаго, разочарованнаго; ему пріятно кокетничать передъ ней своими страданіями, и это щекотаніе самолюбія доводитъ его до того, что, не любя ея, онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи позволить ей любить себя; на минуту повѣривъ въ возможность для себя новой жизни, онъ увлекается перспективой обладать этимъ юнымъ созданіемъ, и бѣдная жена случайно дѣлается свидѣтельницей ихъ горячихъ объятій. Утративъ вѣру въ мужа, подъ вліяніемъ страшной болѣзни своей, она быстро вянетъ и, наконецъ, умираетъ на рукахъ юнаго земскаго врача, влюбившагося въ свою несчастную паціентку, возненавидѣвшаго ея мужа за тѣ страданія, которыя онъ ей причиняетъ, и въ этой ненависти доходящаго до того, что рассказываетъ бѣдной женщинѣ о всѣхъ грязныхъ сплетняхъ, распускаемыхъ насчетъ Иванова по уѣзду, чѣмъ еще вѣрнѣе губитъ ее. Почти тотчасъ послѣ смерти жены Ивановъ рѣшается низойти къ любви молодой дѣвушки и жениться на ней; но, измучивъ ее своей недовѣрчивостью и жалобами, онъ въ самый день свадьбы убѣждается, что эта женитьба преступленіе, что онъ, постарѣвшій, извѣрившійся во все человѣкъ, никому не можетъ дать счастья, что самая близость его губитъ людей; онъ, наконецъ, позналъ всю жизненную бесполезность свою, понялъ, что онъ лиш-

ній на землѣ и поднявшаяся со дна души бѣшенная ненависть къ самому себѣ приводитъ его къ самоубійству. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе драмы. Захватывая неисчерпаемую область души человѣческой, обнаруживая тонкое знаніе ея, она указываетъ на серьезныя стремленія своего автора. Какъ мы сказали выше, она не лишена многихъ и крупныхъ недостатковъ. Написанная повѣствователемъ, по преимуществу, она плохо уложилась въ сценическія рамки; самая концепція драмы, техническое строеніе ея мало удовлетворительны: дѣйствующія лица появляются и уходятъ со сцены не по внутренней необходимости, а по желанію автора; въ пьесѣ мало яркости, событія часто замѣняются рассказами дѣйствующихъ лицъ о себѣ, оцѣнкой однихъ изъ нихъ другими и т. д.: все основано, преимущественно, на детальной отдѣлкѣ, обличающей большую наблюдательность автора, но, къ сожалѣнію, пропадающей на сценѣ. Характеръ главнаго лица мало подвиженъ, онъ не развивается передъ зрителемъ, а данъ неизмѣннымъ съ перваго слова драмы. Мы не знаемъ героя въ то время молодой его жизни, когда онъ, по собственнымъ своимъ словамъ, увлекалъ рѣчами самыхъ равнодушныхъ слушателей, мы не знаемъ, чѣмъ онъ увлекъ свою жену и вызвалъ ее на такія страшныя для еврейки жертвы, какъ перемѣна вѣры. Мы только по рассказамъ дѣйствующихъ лицъ догадываемся какъ объ этомъ, такъ и о пути, который привелъ героя къ его теперешнему состоянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ вида, что упадокъ энергіи и вѣры въ дунѣ героя по самому свойству его характера является настолько неуловимо-постепеннымъ, что изображеніе такого перелома на сценѣ почти невозможно: въ этомъ виновата сама тема, избранная авторомъ и болѣе поддающаяся повѣствовательной обработкѣ. Въ виду всего сказаннаго самое слабое лицо драмы — ея герой; всѣ же остальные лица вырисованы настолько правдиво и жизненно, говорятъ такимъ простымъ житейскимъ языкомъ, въ пьесѣ такъ мало условности и театральности, что зритель невольно увлекается развертывающейся передъ нимъ простой картиной человѣческой жизни, и за эту-то простоту и правду, отъ которой насъ давно отучили современные драматурги, прощаетъ автору всѣ недостатки формы.

Исполнение.
Исполнение такой пьесы представляет много труда именно вследствие чрезмерно детальной вырисовки характеров и чрезмерно

тонкой психологической подкладки, но мы с радостью

Писатель
В. Г. Бунин
Критика
История
России

Герои?

8

неповинной жёнъ своей позорное имя «жидовки», чего онъ въ другую минуту не могъ бы сдѣлать: онъ долженъ слишкомъ хорошо понимать всю безмысленность и какую-то безтолковую жестокость такой выходки. При томъ crescendo, въ какомъ идетъ подъемъ его нервъ, эта сцена несомнѣнно правдива: именно такъ могутъ поступить слабые, эгоистичные, неужемные въ своихъ порывахъ люди. Между тѣмъ г. Солонинъ тотчасъ послѣ прихода жены впадаетъ въ прежній покойный тонъ, самымъ ксениемъ образомъ проеигъ жену прекратить свои упреки и грозить, что гнѣвъ можетъ заставить его сказать какое-нибудь оскорбительное слово, такъ что конецъ акта является какимъ-то немотивированнымъ *deus ex machina* и губить всю сцену. Именно отсутствиемъ обдуманности, характерности и обиліемъ вульгарной субъективности неудовлетворителенъ г. Солонинъ въ этой роли, представляющей большой матеріалъ для артистической работы.

Возобновленное въ нынѣшнемъ сезонѣ «Горе отъ ума» является глубоко печальное зрѣлище.

Большинство актеровъ такъ твердо выразилось между собой, что безъ знаковъ препинанія, выдолбоса гонять комедію, только бы кончить поскорѣе. Да еще это было бы ничего, а то все общими усилиями стараются, насколько можно, упростить, опрощаютъ и снесу, чтобъ и въ поминѣ стиха не осталось. Это упрощеніе стиха, конечно, дѣлается ими въ видахъ достиженія жизненной правды, но въ томъ-то и бѣда, что правды-то этой они достичь не могутъ, потому что изъ стихотворной комедіи уличнаго водевиля сдѣлать нельзя, а отъ настоящей поэтической правды уходить на двадцать верстъ. Г. Солонинъ самымъ развязнымъ, вульгарнымъ тономъ, на одной неприятной нотѣ выкрикиваетъ монологи Чацкаго, вдругъ безъ всякой видимой причины начинаетъ бормотать слова про себя, а иногда опять безъ всякаго основанія, но неудовижой традиции провинціальныхъ *jeunes premiers*, слова два чувствительно растягиваетъ. Стихи ему ни по чести, онъ смѣло вставляетъ въ стихотворный размѣръ собственные слова, призвуки и т. п. Напримѣръ, въ сценѣ съ Софьей вмѣсто словъ «опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой», онъ говоритъ: «Ахъ, увидѣть ихъ» и т. д.; послѣ словъ: «А Гильомо, французъ, подбитый вѣтеркомъ, онъ не женатъ еще?» на вопросъ Софьи «на комъ?» Солонинъ говоритъ: «Ну, хоть на какой-нибудь княгинѣ, Пульхеріи Андреевнѣ, наприимѣръ», и много такихъ смѣлыхъ конъектуръ къ Грибоѣдовскому тексту. Г-жа Мартынова (Лиза) во второмъ актѣ, совѣтуя Софьѣ «съ лицомъ веселымъ» войти въ кабинетъ Фамусова, поговорить съ Чацкимъ «о прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ», послѣ словъ «о

тѣхъ» дѣлаетъ паузу, подмигиваетъ публикѣ на дверь Софиной комнаты, и уже послѣ этого кончаетъ фразу. Гдѣ г-жа Мартынова почерпнула основанія для подобной игривости? Къ сожалѣнію, и г. Медвѣдевъ (Фамусовъ), паружностью, тономъ и манерами сильно напоминающій покойнаго Самарина, также старается уничтожить стихъ и тѣмъ самъ душить себя, лишая свое исполненіе яркости и сочности. Сцена не трепеталась, табуирующие молодые люди ходятъ съ современными календарями въ рукахъ, гости — веревочные въ стариковъ мальчики, точно также какъ и артисты; нѣтъ ничего непривычнаго, какъ видѣть дѣтское лице въ парикѣ и бородообразіи. Г. Солонинъ подъ структуру 20-хъ годовъ надбавляетъ обрѣзы кантадоны современного покроя. Кажется, что при такихъ условіяхъ простатные анонимы источника искомыхъ являются уже издѣлками. Жаль, что подобное желочное альбомическое русское измѣненіе предлагается учащейся молодежи, способной вѣрять, что такъ и должно играть «Горе отъ ума».

Новый фарсъ г. И. Гусеваго «Кто въ лѣтъ, кто по дровамъ» такъ запутанъ въ своемъ содержаніи, что почти не поддается разсказу. Молодая жена, жалующаяся на свои нервы (г-жа Мартынова), подъ вліяніемъ такой же нервной матери (г-жа Кудрина) подозреваетъ мужа (г. Солонинъ) въ небывалыхъ измѣнахъ, и въ отместку ему хочетъ завести себѣ друга сердца, которымъ будетъ тотъ, чью фамилію она первую проткнетъ булавкой въ газетѣ; этимъ избранникомъ оказывается кухмистеръ и кондитеръ Печеночникъ (г. Градовъ-Соколовъ); молодая женщина пишетъ къ нему пѣжное письмо, и общается въ пять часовъ сама быть у него, но письмо не отправляется по адресу; первая горничная, боясь ссоры между господами, оставила его у себя. Кондитеръ въ пять часовъ ожидаетъ къ себѣ повѣсту, модистку, мужъ которой безъ вѣсти пропалъ въ Ташкентъ (г-жа Алексѣева); первая барыня, увидавъ въ кондитерѣ самаго обыкновеннаго повара, не рѣшается объяснить ему въ любви и отъ смущенія заказываетъ ему пятьдесятъ фунтовъ драже; вслѣдъ за ней приходитъ мужъ, грозитъ кондитеру, тотъ принимаетъ его за друга мужа своей возлюбленной, будто бы вернувагося изъ Ташкента, бѣгаетъ отъ невесты, невеста бѣгаетъ за нимъ, за молодой барыней бѣгаютъ мужъ, мать и легкомысленный отецъ (г. Визовскій), увлекающійся новымъ жизненнымъ элементаромъ, добываемымъ изъ морскихъ свинокъ; даже и свинки фигурируютъ въ пьесѣ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ въ рукахъ легкомысленнаго отца. Во взаимномъ бѣганьи все такъ перепутывается, что только въ концѣ третьяго

Днев. изд. 1400. 1889. А.

С. 107
27-го окт.

И. И. Ивановъ?